

РАЗОРУЖЕНИЮ—ДА! ВОЙНЕ—НЕТ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 82
(1418)

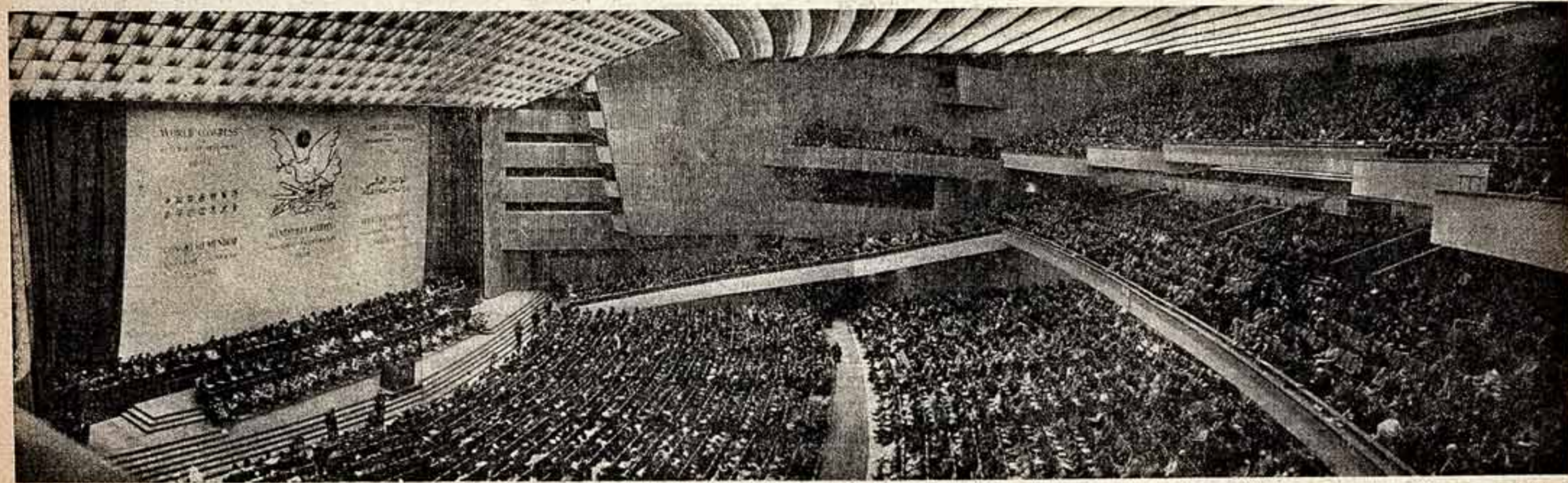
Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Вторник, 10 июля 1962 года

Цена 3 коп.

Вчера в 9 часов 30 минут в Кремлевском Дворце съездов открылся Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. В работе конгресса принимают участие около 2000 делегатов, наблюдателей и гостей, прибывших более чем из 100 стран всех континентов земного шара.

Весь советский народ, все деятели советской культуры горячо приветствуют делегатов конгресса и от всей души желают им добрых успехов в благородной миссии борьбы за разоружение и мир!

МОСКВА. Кремлевский Дворец съездов, 9 июля 1962 года. На Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир.

Фото А. КНЯЗЕВА.

ГОЛОС НАРОДОВ

ВЧЕРА В МОСКВЕ в Кремлевском Дворце съездов началась работа Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Настал тот исторический день, который с нетерпением ждали люди доброй воли всех континентов.

САМЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ

Московский конгресс — самый представительный из всех когда-либо собиравшихся форумов в защиту мира. В зале дворца присутствует свыше двух тысяч делегатов, наблюдателей и гостей, прибывших из 100 стран — владельцев политических диктатур, писатели и ученые, работники культуры и искусства, парламентарии, представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенция.

Это разные по многим отношениям люди, выросшие в условиях различных политических систем. Разные по своим политическим и религиозным воззрениям, по своему социальному положению и жизненному опыту, разные по своим профессиям и талантам. Разные, наконец, и по своему подходу к решению конкретных международных проблем. Но их всех объединяет общая тревога за судьбу мира, благословенное стремление найти приемлемые для всех людей доброй воли пути, формы и средства решения самой животрепещущей проблемы наших дней — всеобщего разоружения, избавления человека от страшной перспективы термоядерной войны.

Многие участники конгресса, люди различной политической ориентации, отмечают знаменательность того факта, что всемирный форум собирався на сей раз в Москве, в столице государства, идущего в авангарде борьбы за мир и разоружение, страны, выдвинувшей у себя главы своего правительства Н. С. Хрущева не только идею, но и конкретную, реальную программу всеобщего и полного разоружения.

Нежно-голубым светом залит большой экран за столом президиума. На нем подобно, но выразительней рисуются на фоне темного неба контуры грозного вооружения — голубой мира с ослепительной вспышкой. На сцене в зале — официальная встреча конгресса — написанное Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. На трибуне конгресса — член Международного комитета Оамы Поблетте (Италия) — лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Мы прибыли сюда, — говорит она, — присланные в надежде, которая наполняет сердца и умы людей на земном шаре. Здесь в Москве, мы будем обсуждать пути к тому, чтобы превратить волю народов в конкретные дела.

секретариат конгресса. Председателем на первом заседании единодушно избирается Эжени Коттон.

Эжени Коттон объявляет Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир открытым.

ПОКОИТЬСЯ С ПРЕСТУПНЫМ РАСТОЧЛИВЫМ СМЛ И БОГАТСТВОМ

Этот конгресс, говорит Эжени Коттон, получил поддержку большого числа выдающихся деятелей, людей, которые в течение многих лет проявляют огромную храбрость в борьбе за мир.

Оратор говорит об опасности войны, угрожающей уничтожить сокровища, накопленные веками цивилизации. Собираюсь в Кремль, в этом историческом месте, в сердце великой страны, которая первой предложила миру всеобщее и полное разоружение, мы будем изыскивать совместно средства, чтобы сделать невозможной войну, добиться разоружения.

Мы хотим, чтобы было покончено с преступным расточительством сил и богатств, мы хотим, чтобы это было осуществлено в интересах прогресса человечества. Мы хотим, чтобы лучше заживали и открывались науки служения жизни, а не смерти.

Эжени Коттон благодарит правительство СССР и всех советских друзей за великодушное гостеприимство, которое оказано участникам конгресса.

Секретарь Международного комитета конгресса Адвор Монтего (Англия) подробно информирует о порядке работы конгресса. Кроме пленарных заседаний, будет работать четыре комиссии:

Разоружение и его политические и технические проблемы;

Экономические последствия разоружения;

Разоружение и национальная независимость;

Разоружение и проблемы права, культуры, морали и т. д.

Адвор Монтего напоминает о том, что президент-исполнитель Всемирного Совета Мира Джон Бернал направил специальные письма главам правительств 18-ти стран — участникам Женевской конференции по разоружению с приглашением выступить на конгрессе и высказать свое отношение к проблеме всеобщего разоружения. Ответы прислала девять глав правительств.

Впервые в истории конгресса встретился за последние годы, что Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев изъявил желание лично присутствовать на конгрессе и выступить на нем.

УЧИТЬСЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Затем слово предоставляется председателю Международного комитета конгресса, президенту-исполнителю Всемирного

Совета Мира профессору Джону Берналу.

Оратор говорит об опасностях, связанных с ускорившейся гонимой вооружением, выходящей из-под контроля, с постоянной угрозой возникновения ядерной войны. Слова конгресса в данное время являются тем, что переговоры о разоружении достигли критической стадии.

Именно в данном случае необходимо мобилизовать как можно большую активность граждан всех стран на обеспечение, путем нажима на правительства, такого положения, при котором переговоры о разоружении начались бы в новом духе и вели к полному и быстрому разоружению.

Профессор Бернал отмечает, что истинный конгресс предполагает возможность для действительного серьезного обсуждения различных проблем разоружения.

Разумеется, разногласия и разногласия есть даже между теми людьми в различных странах, которые борются за мир. Разногласияхватает даже в отдельных странах. Наша встреча должна помочь устранить их.

Рассогласия между основными планами разоружения, выдвинутыми главными ядерными державами — Советским Союзом и Соединенными Штатами, — уже значительно сужены посредством переговоров. При доброй воле и честности их можно привести к взаимоприемлемому компромиссу.

Мы здесь собрались не в качестве военных специалистов или дипломатов, говорит оратор. Наша задача, как мужчин и женщин, живущих в мире, над которыми нависла угроза, — потребовать, чтобы та-

кой компромисс был найден и при том быстро. Это особенно относится к одному аспекту гонимой ядерных вооружений, выходящей из-под контроля, к продолжению ядерных испытаний.

Джон Бернал считает, что этот великий конгресс, посвященный столькому обсуждению — для чего было бы достаточно гораздо меньшего собрания, — в действительности является в интересах разоружения могут и должны принимать различные формы, соответствующие различным традициям. Любое равнозначное единство могло бы быть только вредным. Тем не менее эти действия будут иметь некоторые общие черты, которые могут передаваться из одной страны в другую.

Время холодной войны и вооружений, говорит далее докладчик, все еще является слишком тяжелым. Все политическое развитие стран, недавно получивших независимость, и других стран в Африке, Азии и Латинской Америке ставится под угрозу из-за того, что они вовлекаются в орбиту холодной войны и военных союзов.

Мы знаем сейчас, заявляет профессор Бернал, что ужасы, которые мы едва осмелеваем себе представлять, хотя постраждали, которым удалось выжить, находятся среди нас, не изданы ни в какое сравнение с интенсивностью или масштабом того, что последует в случае ядерной войны.

Эта перспектива представляется собой реальную угрозу, особенно ужасную и бессмысленную для всего человечества. Она бросает вызов морали, религии, социальным институтам и идеям. Некоторые говорят нам, что мы должны научиться

«жить с бомбой» и подготовиться, согласиться с этим ужасом. Ирациональность, которая огласила и готова к сожжению живьем мужчин, женщин и детей и отравлению тех, кто выживает, моделирует действительность, но сиротливым равнодушием, зашла в столькое далеко в своей бесчеловечности, что вряд ли заслуживает названия нравственности вообще.

НЕ ДОПУСТИТЬ РАСШИРЕНИЯ «АТОМНОГО КЛУБА»

Предоставляется слово г-же Рамешвари Неру, президенту Индийской ассоциации солидарности стран Африки и Азии.

Стремление к миру, говорит г-жа Рамешвари Неру, является «частью жизни индийского народа, его миролюбивости». Она отметила, что миролюбивая политика — основа внешней политики премьер-министра Джавахарлала Неру, которая находит широкую поддержку.

Оратор выражает озабоченность индийского народа существованием военных блоков и пактов, созданием иностранных военных баз на южных территориях, расширением членов «атомного клуба».

Ни при каких обстоятельствах, — заявляет г-жа Неру, — не должно быть расширения числа стран, владеющих атомным оружием. Мы поддерживаем предложение о создании безатомных зон в Латинской Америке, Азии и Африке.

Представительница Индии призывает делегатов конгресса обратить внимание на проблему колониализма. Она требует

покончить с колониализмом в любых его формах и проявлениях.

РАЗНООБРАЗИТЬ ФОРМЫ БОРЬБЫ ЗА МИР

— Мы прибыли в Москву — столицу великой социалистической державы, — сказал профессор Каору Ясуи, президент Всемирного совета по запрещению атомного и водородного оружия, — для того, чтобы послать себя не в интересах какого-то одного государства или блока государств, а в интересах всего человечества. Я считаю, необходимым заявить об этом для всех тех, кто сейчас хлопочет по адресу нашего конгресса.

Задача Московского конгресса, говорит Каору Ясуи, состоит в том, чтобы обеспечить «конкретные меры для лучшей мобилизации народов на борьбу за разоружение и мир. Он отметил также, что формы борьбы должны и могут быть разными в зависимости от условий в отдельных странах.

Подчеркнув необходимость укрепления международной солидарности в борьбе за мир, оратор заявил, что важнейшей задачей является прекращение ядерных испытаний в атмосфере, под землей, в космосе и под водой.

По словам оратора, сегодняшней борьбой за мир, а именно американской водородной бомбы — это вызов конгрессу, вызов всему миролюбивому человечеству.

Выступая, Гильермо Монтано, председатель Мексиканского комитета защиты мира, Монтано подчеркнул приветствие выдающегося общественного деятеля и борца за

мир, бывшего президента Мексики генерала Ласаро Карденаса.

Все народы, отмечается в послании, ощущают потребность в разоружении, в устранении угрозы войны. Ласаро Карденас подчеркивает, что империализм постоянно талт к себе семена войны. Чтобы навсегда избавиться от угрозы войны, необходимо вырвать корни империализма. Опыт народов Латинской Америки на деле показывает, как тесно связаны между собой борьба против империализма, за национальную независимость, с борьбой против угрозы войны.

Наш конгресс за всеобщее разоружение и мир, — заявляет представитель Республики Малайзия Фамада Кейта, — проходит в чрезвычайно важное время в истории народов и всего человечества. Никогда еще человек не видел такого расцвета науки и техники, таких побед над колониализмом.

Народ Малайзия, жаждающий мира, считает главной задачей, требующей немедленного разрешения, ликвидацию всех возможных очагов войны, прекращение ядерных испытаний, прекращение пропаганды войны.

Мамаду Фамада Кейта предлагает, чтобы конгресс образовал делегацию, которая посетила бы главу правительства США, СССР, Великобритании и Франции, а также ООН и вручила бы им послание конгресса, выражающее мнение его участников по вопросам всеобщего разоружения и мира, а также по другим важным международным вопросам.

Необходимо также образовать делегацию для посещения глав африканских государств и вручения им послания с призывом ликвидировать военные базы на их территориях.

Сторонником делегации выступил представитель Республики Малайзия Фамада Кейта.

Выступление африканского делегата было встречено горячим аплодисментами.

От имени аргентинских строителей мира выступил Рафаэль Хорне. Он подчеркнул, что народ Аргентины решительно выступает против войны, но считает ее аморальной и недостойной достигнутого уровня цивилизации.

На заседании выступил также Мохаммед Насер Мохаммед (Азия), Маркос Ама (Испания), Жак Мадоль (Франция), Делья Понтис (США). Было озвучено послание лорда Бертрама Рассела — ветерана движения за мир.

Вечернее заседание Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир 9 июля завершилось выступлением руководителя делегации Китайской Народной Республики писателя Мао Дуня. Мы считаем, заявил он, самым актуальным и эффективным шагом для обеспечения всеобщего мира и безопасности — уничтожение атомных вооружений, накопленных в государствах, которые ни в коем случае не обладают. Соединенные Штаты Америки, подчеркнул Мао Дунь, постоянно игнорируют настоящие требования народов о запрещении ядерного оружия, игнорируют призывы мировой общественности. Мы глубоко уверены, подчеркнул оратор, что запрещенное ядерное оружие невозможно.

Сегодня конгресс продолжит работу.

СИМВОЛ ЖИЗНИ

ВСЕОБЩЕЕ и полное разоружение, установление мира во всем мире. Этой цели отдадут свои творческие усилия мастера советского искусства, истинным которого является человеколюбие.

СССР С. В. Герасимов, открывшая выставку произведений советских художников, посвященную Всемирному конгрессу за всеобщее разоружение и мир.

Среди первых посетителей — многочисленные зарубежные гости. Скульптор Е. Вучетич, художники Ф. Решетников и Б. Немцев знакомы с экспозицией приехавших на конгресс президента Французского национального комитета изобразительного искусства художника Пьера Шино и известного венгерского скульптора Кишфалуди Штроба.

От картины к картине переходят художники. Святилище, приехавший на конгресс из дагестанской Гамы. Подолгу останавливается у полотна Д. Шварц-

лова «Утро Африки. Патрис Лумумба», Д. Дубровина «Миним свободны», В. Ткаченко «Делегата на Гамы».

Ветер Святилище показывал художнику Ю. Пименову свои новые работы, которые он привез в Москву. А сейчас Ю. Пименову интересно послушать о своих картинах «Новая Москва», «Рабочий завтрашнего дня».

— Прекрасное искусство, активно, борющееся, Мена глубоко вдохновлен картинами советских художников, отражающие проблемы сегодняшней Африки, вдохновляющие людей на борьбу за свободу и независимость. Я расскажу об этом, когда вернусь на родину, — говорит Святилище.

Делегат конгресса Ингасно Агире Канато живет в Мексике. Он работает в мастерской народного графика. Вымпелы раскрашивает художник карнавалов и зарисовки бывшего ученика Освеиния Сильванова. Гравюры, обличающие документы-рисунки были на-

писаны им в коньякере на обрывках бумаги, картона. Чудом сохранившиеся рисунки людям, они вновь попали к автору, который теперь сделал их точную копию.

Агире отмечает, что на выставке много картин, написанных в различных манерах. Ему нравятся жизнедротная живопись Пастора, теплый струющийся свет и воздух в картине «Когда на земле мир», полотна А. Демкина «У моря», «Транспорт», «Дворка», серия гравюр литовской художницы А. Скарутите — «В конце поля», «Дитя земли», «Песня о Родине».

Делегат конгресса архитектор Эрнесто Янес занят мирным социальным трудом. По его проекту в городе Мексико, выстроены жалые дома и школы, гостиный и больничный. Он автор планов реконструкции города. Внимание мексиканского архитектора привлекает интерьер литовской художницы К. Морукуса «Пиршество», рассказывающий о трагедии села

Пиршество, дотла сожженного немцами в 1943 году.

Большая группа людей со значками делегатов конгресса участвует в обсуждении выставочные произведения. Они из Швейцарии. Клара Вальдфельд, старший педагог из города Нозбурга, тепло отзывается об увиденном:

— Ваш народ смотрит в будущее. Люди, пережившие ужасы войны, верят в счастье. Искусство, понимаемое так, служит средством воспитания.

Доктор Роберт Дрейфус из Лозанны, член Комитета движения против атомной войны, говорит, что многие произведения искусства свидетельствуют о хорошей школе и большом мастерстве.

Поняла выставку, один из зарубежных гостей останавливается у бюста Н. Белозинина (скульптура С. Коненкова) и вкладывает в руку каменного греческого патриота рядом с мраморной — живую красную гвоздику. Символ жизни.

Е. РОДИОНОВА.

ОТПОР ПРОВОКАТОРАМ

С гневом и возмущением встретили участники конгресса сообщение о том, что Соединенные Штаты взорвали вчера ядерное устройство на большой высоте.

Советские комсомолы Юрий Гагарин и Герман Титов завали корреспонденту ТАСС:

— То, что делает правительство Соединенных Штатов, может вызвать лишь гнев, возмущение. Испытания ядерных устройств в космосе должны быть немедленно прекращены. Во имя жизни на земле, во имя науки и прогресса мы поднимаем свой голос протеста против преступных действий атомных маньяков.

Мы обращаемся ко всему населению земного шара с призывом сделать все для того, чтобы обуздать американскую военщину. Завтрашний мир должен быть миром. Пусть те, кто дал указание взорвать ядерную бомбу, поймут, насколько их действия не будут безжалостными.

Первой на вечернем заседании выступила Джулиан Кук —

Снимается фильм

«У ТВОЕГО ПОРОГА»

ПОЕЗД МЧАЛСЯ сквозь подвешенный туманец. Это был один из последних поездов метро в тот день, вернее ночь, и в вагоне, кроме меня, находилось всего несколько человек.

«Да-а!» — сказал сам себе сидящий рядом со мной железнодорожник с газетой. Я невольно взглянул на страничку, которую он читал. Мелюкша строчки: «Двадцать один год тому назад в ночь с 21 на 22 июня... Действительно, уже пришла эта ночь, ночь, о которой поминаться все время, среди работ и дел жаркого летнего дня. И на каменном изрытом дождем, капающем в лужи, полах, показались мне озобоченными и суровыми. Может быть, сейчас все они думали об одном и том же...

Поезд вылетел с платформы станции «Площадь Революции». Весь вагон — словно огромный бурак. На тощак, на ухах — женщины, дети, старики. Петят, облезают, плачут, облоют. Кто ест, кто плачет, кто спит. Сидит вот сейчас, сода, на эту станцию метро, вернулись два сорок четыре, два оборона и победил Москва. Только саша-шаша-шаша, только откровенно салют, юпитеры, вылетел ленту кабеля и стоит в стороне свежечная камера. Встрепенувшие пассажиры успокаиваются, а я выхожу из вагона, потому что ехала шимкой сода, на съемки нового фильма «У твоего порога», который снимает режиссер В. Ордынский по сценарию С. Назарова.

Снимает картину оператор И. Славянский. «Москва, жилая, купеческая. Но вбрызгиваясь в воздух, заширокованное стекло, заширокованное стекло, заширокованное стекло, заширокованное стекло. Часть земных оружий из города направляется навстречу фашистским танкам под Москву. Расчет из семи человек занял позицию около железнодорожной насыпи, рядом с маленьким домиком. В дождь случайно оказалось мать с четырьмя детьми. И вот сев бойцов и одна пушка отступают жалкими клочок земли, на которой стоит обкомовская русская изба и живет простая русская женщина с детьми. И этот клочок земли становится для каждого солдата как бы пороком родного дома, пороком Москвы. Родины.

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ съемки картины идет на «Мосфильме». А здесь, на «Площади Революции», снимается только один из эпизодов, показывающий Москву осенью сорок первого. В объективе камеры — холодные красочные арки, разбросанные бронзовые статуи и ряды с ними — эскимсы, люди, страдающие, жующие, не терпящие надежды. Я слышу, как режиссер, озвучивая в глазок аппарата, говорит оператору: «Нужно резко подчеркнуть контраст между бронзовыми и живыми лицами. Первые как бы олицетворяют ту самокопченность, ту самоуспокоенность, которые упорно внушались нам како-

нуре войны. Вторые же как бы показывают результат, к которому привела такая политика».

Пока ассистенты еще и еще раз объясняют участникам массовки, как себя вести, режиссер присаживается в стороне на свой стул. О чем он думает? Может быть, о том, что сегодня ночь с 21 на 22 июня, та ночь, которая когда-то определяла его судьбу и завставила — восемнадцатилетним, сразу после окончания средней школы, ушла на фронт и с тех пор пробить в армии? Я подождал в Ордынскому.

— Мне кажется, — говорит он, — прежде всего содействуй правдивую, по-настоящему правдивую картину о войне, заново рассказать о советских солдатах, трезво, без прикрас, показав их положительные и отрицательные качества. Мне кажется, что фильм, призванный к бытованию, к защите мира, должен

сегодня прозвучать и сдержанно, и своеобразно.

ПРОХОДИТ ЧАС, другой напряженной работы. Наконец наступил вечер. Старик, женщина, дети поджимаются к лавке, сбрасывают с себя полушубки и впадают в привычные для жаркого времени. Громко разговаривают, смеются, они выходят из метро в яркое, розовое, удивительно мирное утро.

Идейно-художественные задачи театр обращают не только в зрительный зал, но и в кулисы, потому что от того, как построен репертуар, зависят и режиссерские, и актерские судьбы. Надо думать и об идейно-творческой работе коллектива, точнее, каждого из членов коллектива.

Именно на этом участке нашего искусства и происходит театральные баталии, споры, саманки, конфликты, часто заканчивающиеся уходом из театра той или иной из «воюющих» сторон. Борьба зачастую происходит не только и не просто за пьесу, постановку, роль, но и за свою мечту.

Но ведь есть путь, на котором борьба и дипломатия — это не исключение, а необходимость. Тогда в театре и режиссерское искусство не сводится к крошечным мимам. Тогда будет взаимная увлеченность материалом, взаимная «любленность» актера и режиссера во имя «священного» искусства.

В искусстве об актерском мастерстве и странностях журналиста «Театр» Н. Маньява выступил за мемуары И. Симонюка сыгравшего Отелло. И вместе с ней всем, наверное, казалось странным и обидным, что до

О ПРАВЕ НА МЕЧТУ

сик пор в Ленинграде не мешало режиссеру, который улекаясь бы «Отелло» и Симонюком как исполнителем главной роли.

Не в каждом областном театре есть свой Симонюк, но у каждого актера и режиссера есть (или была) своя мечта. Актеры мечтают о званых ролях и «своем» режиссере, а те видят актеров в спектаклях, которые выносятся в мочтах.

Вот и найти бы общий язык! Вот бы и объединить помысливший актёр.

НО ПОВСЕДНЕВНАЯ творческая практика выдвигает разные прелесть. Первая — так называемая «производственная» необходимость или своего рода негласный репертуарный норматив. Он требует, чтобы за сезон театр поставил столько-то пьес на одну тему, столько-то пьес на другую, одну «забуржуйскую», одну — из русской истории и т. д. Разумеется, тема современности должна быть ведущей. Это не производственная необходимость, а наш долг, если, конечно, понимать его творчески. Ведь довольно часто на сцене появляются спектакли, где время действия — невинные дни, но пьеса поставлена в традициях XIX века, без строгих отношений к «наше» и игнорирование «наше» — это холодно, по-авторски.

Актеры и режиссеры хотят говорить с современником о сегодняшнем. Такую пьесу надо ставить, играть еще увлеченнее, нежелая любую из пьес старых, апробированных, известных. В нее надо вложить режиссеру, увлечь за собой актёра.

Надо, конечно, побороть, увлечься — все это связано с эмоциональным отношением к пьесе. Но и сама она должна заключать в себе то званое, дорогое, без чего увлеченность невозможна. Рационально увлечься трудно. Но если пьесе навязать режиссеру, актерам, то будет равнодушие. А на этом начинается режиссер, штампы, именно то, с чем нельзя мириться в театре. Словом, надо бороться за хорошую современную пьесу, против проникновения на сцену плохой.

Вызывает и так режиссер мечтает о современном прочтении Шекспира, Островского, Диккенса или Ибсена, хочет говорить режиссеру, о войне и мире, о борьбе с фашизмом, о борьбе с «белой болезнью» Чапкина. И у него зачастую есть исполнители для основных ролей, положительные пьесы, единомышленники, которые уже мечтают вместе с ним. Тогда и возникает актерско-режиссерское «мы». Тогда можно иметь интересную работу, открытую и успешную. И тут не надо чинить препятствия. Но право на мечту, конечно, не должно сводиться к постановкам Шекспира или Островского. Убеждаем, что каждый из нас мечтает правду всего ставить или играть хорошую современную, актуальную, глубокую советскую пьесу. Однако если, скажем, нет в театре Отелло, то трагедия не входит в репертуар. А если нет Платонова или Чехова, то «Океан» все равно ставится. Разве это не дискредитирует советскую драматургию и не снижает уровня творческой работы?

Если посмотреть на актерскую работу в театре, то можно увидеть, что актерские судьбы — это не только и не просто за пьесу, постановку, роль, но и за свою мечту.

В искусстве об актерском мастерстве и странностях журналиста «Театр» Н. Маньява выступил за мемуары И. Симонюка сыгравшего Отелло. И вместе с ней всем, наверное, казалось странным и обидным, что до

бывательности к себе у работников театра?

Это не означает, что с позиции высшего творческого слуха браковать все подряд. Но, несомненно, в избранной пьесе должно быть, хоть в незначительном виде, то, во имя чего затрачиваются все эти усилия.

Трудно поверить, чтобы во всех театрах были достойные исполнители роли Нилы Синюки в «Борьбачице». Но «они» почти бутылочка сверкающей прелестью. И, вероятно, эту героическую пьесу изводили иногда до уровня провинциальной для любительских клубов.

КОММУНИКАТИВНЫЙ формальный, но творческий подход к репертуару выдвигает второе препятствие в отношении между автором и режиссером — потребительский подход к актерской индивидуальности. Режиссерское искусство ограничено часто самой близкой перспективой очертания «необходимого» спектакля, стремлением к наименьшему усложнению, к решению компромисса, но объективное распределение ролей. Тогда режиссерское искусство или сводится к типичности или опирается на штампы проверенных, опытных актеров (этот как-нибудь вытиснит...). Педагогика ограничивается задачами очередного спектакля. Начинается поиск актерской «красоты».

Если посмотреть на актерскую работу в театре, то можно увидеть, что актерские судьбы — это не только и не просто за пьесу, постановку, роль, но и за свою мечту.

В искусстве об актерском мастерстве и странностях журналиста «Театр» Н. Маньява выступил за мемуары И. Симонюка сыгравшего Отелло. И вместе с ней всем, наверное, казалось странным и обидным, что до

КАКИЕ УЗБЕКСКИЕ ФИЛЬМЫ произвели на вас наиболее сильное впечатление? Всякий раз, когда я задавал такой вопрос, мне отвечали: «Алишер Навои». В лучшем случае и списку присоединяют «Тажир и Зулфия» или даже «Старуха» — «Нарядили в Бугарю», сделанный Ю. Протазановым.

Несколько удачных историко-легендарных лент, появившихся в сороковые годы как результат сотрудничества мастеров кино с ведущими писателями, не могли компенсировать тамплие неудачи узбекского кино не имея современной тематики.

В результате мы имеем, таким образом, репертуар, как бы «застывший» на стадионе, «Дочь Ферганцы», «Фортельянский концерт», «Платонья года». Все они увидели экран главным образом благодаря ложной популярности. Дело доходит

до курьезов. Иные чрезмерно усердные руководители студии уже не удовлетворяют развития сценария по промышленно-хозяйственному принципу. Начинать потону за дружные новшества ума внутри разных видов фильмов. Так появились на студии фильмы о реорганизации МТС («Второе поколение»), о республиканской самодеятельности («Озаренная тобоя»), о механизации уборки хлопчатника («Отвергнутая невеста»). Последняя фильм только что вышел и ждет своего детального разбора. Но уже сейчас можно сказать, что автор, поддался так называемым «проблемам», мимическое перенесение актуальных задач хозяйственной деятельности республики в искусство.

В последние годы, говоря о недостатках национального кино, мы привыкли объяснять все от

бражничестве отношении к национальному вопросу. Национализм кинодраматургии со стороны руководителей Союза писателей Узбекистана. Союз писателей пора, объединяя литературных работников в кино, в отдельную творческую секцию, повести решительную борьбу за высокое, истинное писательское искусство кинодраматургии. В данном случае было бы полезно регулярно печатать завершенные литературные сценарии в местных журналах, а затем обсуждать их с привлечением актива Союза кинематографистов республики. Это имеет и чисто практический смысл. Участвующие комбинированно в выборе сценария драматурги и члены общественного контроля.

Другая и самая основная задача, которая стоит перед Союзом писателей, — это преодоление писательской инерции по отношению к специфике кино. Учить, учиться и учиться — вот что должно быть девизом наших драматургов, обращающих взор на кинематограф.

Кинематографу, как и писателю, сегодня более шестидесяти лет. За много лет он выработал свой стиль, сформировал язык оригинального и современного искусства. Каждый компонент кино, включая и сценарий, имеет свои законы построения, свою особую художественную природу. Писателю необходимо кино. Но писателю необходимо и любящий киноискусство, преданный ему душой и сердцем. Мы давно уже соскучились по истинному писательскому кинематографу — кинематографу с большой буквы.

ПИСАТЕЛЬ И КИНО

ЧТО ЖЕ ПОЛУЧИЛОСЬ? Кто выносит взаимных обид достаточно. Писатели республик могут привести множество примеров, когда из-за неглубокой режиссерской разработки не получили должного звучания на экране произведения. Вспомним недавние экранизации хаккаревских «Новоселья», «Птички-являчки» или, к примеру, несостоявшийся «Девятый» в кино писателей Р. Галимова, С. Зунуновой, З. Фатхуллина, И. Рахимова и других.

С другой стороны, работники студии порой правы в своих претензиях к литераторам, упрекая них писателей в небрежном отношении к сценарию, в незнании элементарных законов кино.

Между тем студия «Узбекфильм» сегодня переживает ответственное и трудное время: современная тем не менее утверждается в ее репертуаре. В наступлении на этом фронте узбекскому кино не хватает опыта прошлого типа. А тылов, является деловая и творческая связь студии с местными писателями, от которых зависит реальная перспектива пополнения сценарного портфеля.

Потому на пора ли, отбросив взаимные упреки, взяться за общее дело развития национального киноискусства? На вопрос, что нужно для того, чтобы узбекское кино стало действительно на ноги, в культурном отделе вам ответят:

дайте полноценный «профессиональный» сценарий. Ну что ж, это требование вполне закономерно. Да, мы работаем за выиски профессионализма кинодраматургов. Теперь особенно очевидно, что без достоящего знания предмета (я имею в виду специфику киноискусства) не может обрести плоть и кровь любой самый выдающийся сценарий. Но зачастую требования внешней отдаленности сценария превалирует над трезвым учетом истинной ценности представленного писателем произведения.

Долгий, тяжелейший сценарийный кризис породил многочисленные курьезы в кинопроизводстве: студии в погоне за рентабельностью, ощущая хронический сценарийный голод, вынуждены были связываться зачастую с ремесленниками от киноискусства, заволашевыми звонками провозглашая «художественные планы». Это по инерции существует и сегодня.

Я не знаю, хорошо ли положение дел на центральных студиях, но, например, на «Узбекфильме» до сих пор бытуют какие-то особые «информ» при годности сценария. Сценарийный отдел студии намеренно замыкает себя в тесный круг незамысловатых «проблем», как то: фильмы на «коллективную, спортивную, патристическую, «ребрабук» и т. п. тематику. Самы по себе все эти несущие проблемы действительно важны и ждут своего разрешения. Однако односторонний узкий подход к драматургическому материалу, инвентаризация и разделение его на различные «специальные» виды фильмов создали благоприятный лазейку для оторванного таланта, беспардонного штампа.

Дополнительные трудности в контакте писателей и работников сценарного отдела «Узбекфильма» создает и отсутствие в отделе квалифицированных редакторов. Узбекскому писателю мало работать над формой, он еще должен заботиться о переводе своего произведения на русский язык. Поэтому редакторы не анемично национального языка, попадают в руки сценария, очень часто переведенный приблизительно, лишеным аромата национального своеобразия. К сожалению, и многие руководители республиканской студии не сделали должного вывода — до сих пор во ВГИКе почти со-

ставленным и почти качеством драматургии. Правомарна ли такая постановка вопроса? Конечно, нет. Легче всего написать, что благодаря низкому эстетическому уровню сценария режиссер вынужден обречь себя произведение на полную неудачу. Но ведь постановщик — автор фильма! Почему же он должен быть в стороне, не нести ответственности за плохое, недоброкачественное произведение искусства? Режиссеры, авторы неудачных фильмов, о которых мы уже упоминали, но сумели разогнаться в выбранных им драматургических произведениях, уделить в них фальшь, пошлость компромисса со своей художественной совестью. С другой стороны, боясь риска, дополнительной работы с драматургом призвал к тому, что в сценарийном отделе на долгие и весьма неопределенные времена «залежался» интересный сценарий от отдела С. Зунуновой «Наш новый директор», А. Угуна «Алтын куль», И. Рахима «Хилола», Б. Рахимова «Золото Арчава» и другие.

В чем же дело? Почему сегодня упорно не осуществляется взаимодействие писателя и студии?

В своем выступлении на страницах республиканского журнала «Звезда Востока» в прошлом году сценарийного отдела «Узбекфильма» Т. Тула справедливо указывал на прене-

брежничестве отношении к национальному вопросу. Национализм кинодраматургии со стороны руководителей Союза писателей Узбекистана. Союз писателей пора, объединяя литературных работников в кино, в отдельную творческую секцию, повести решительную борьбу за высокое, истинное писательское искусство кинодраматургии. В данном случае было бы полезно регулярно печатать завершенные литературные сценарии в местных журналах, а затем обсуждать их с привлечением актива Союза кинематографистов республики. Это имеет и чисто практический смысл. Участвующие комбинированно в выборе сценария драматурги и члены общественного контроля.

Другая и самая основная задача, которая стоит перед Союзом писателей, — это преодоление писательской инерции по отношению к специфике кино. Учить, учиться и учиться — вот что должно быть девизом наших драматургов, обращающих взор на кинематограф.

Кинематографу, как и писателю, сегодня более шестидесяти лет. За много лет он выработал свой стиль, сформировал язык оригинального и современного искусства. Каждый компонент кино, включая и сценарий, имеет свои законы построения, свою особую художественную природу. Писателю необходимо кино. Но писателю необходимо и любящий киноискусство, преданный ему душой и сердцем. Мы давно уже соскучились по истинному писательскому кинематографу — кинематографу с большой буквы.

Безразличию писателю, видящему в кино свое призвание, то искусство, которое наиболее полно и многогранно передает его мысли, идеи, самые безграничные замыслы. Поверьте, кино стоит такого высокого доверия.

Джура ТЕШАБАЕВ, ТАШКЕНТ.

Писателю необходимо кино. Но писателю необходимо и любящий киноискусство, преданный ему душой и сердцем. Мы давно уже соскучились по истинному писательскому кинематографу — кинематографу с большой буквы.

Безразличию писателю, видящему в кино свое призвание, то искусство, которое наиболее полно и многогранно передает его мысли, идеи, самые безграничные замыслы. Поверьте, кино стоит такого высокого доверия.

Джура ТЕШАБАЕВ, ТАШКЕНТ.

Писателю необходимо кино. Но писателю необходимо и любящий киноискусство, преданный ему душой и сердцем. Мы давно уже соскучились по истинному писательскому кинематографу — кинематографу с большой буквы.

Безразличию писателю, видящему в кино свое призвание, то искусство, которое наиболее полно и многогранно передает его мысли, идеи, самые безграничные замыслы. Поверьте, кино стоит такого высокого доверия.

Джура ТЕШАБАЕВ, ТАШКЕНТ.

«ШУМИТ НОЧНОЙ МАРСЕЛЬ...»

ЗРИТЕЛЮ не доверяют на этом спектакле. Уже в программе, купленной у актера, с помощью классических цитат ему располковывают, что такое смех и хохот, а затем он имеет в нашей жизни. Затем эти «основные положения» по ходу действия конкретизируются, каждый раз сопровождается комментариями. А чтобы никаких сомнений в происходящем на сцене не оставалось, иногда вводятся эпизоды или просто зачитываются статьи из центральной прессы.

Каждая бы, притянув должное, полагать себя очень уверенно на новом спектакле Московского нового театра миниатюр, но... он почему-то не очень веселится там, где ему положено это делать, и недоумевает, когда все должно быть юмором.

«О, времена, о нравы!» — осуждающе восклицает постановщик миниатюр А. Тутушкин, показывая страдания актрисы в «Наша песня». Вспомните, как выразительно и остро, начиная нравиться вопреки всем различиям, горлозав больше, чем добродетельная, но очень случайная, лишенная всякой режиссерской изюминки «Наша песня».

«Хорошие, честные «она» и «он» в комедии М. Зощенко «Корки калитки», режиссер проверил свое умение, нацелившись довольно избирательно делать и говорить друг другу гадости. И несмотря на благополучное прикрытие «сторона», зритель не становится веселее. Это совсем не то «горькое чувство», которое вызывает высокая сатира. Недоумение полагается за-за несоответствия тем и приему ее решения, тогда вместе с критическими недостатками убогаются и самые черты

комедии. Поэтому далеко не веселый смех сопровождается шутками недоразумениями: вполне естественно рождается недоверие к людям, способным буквально «завернуть» на-за палец. Не оправдываясь в данном случае и дальность написания комедии. Ведь в комедии когда бы то ни было проверялась такая комическая средства.

В водевиле 30-х годов И. Ильфа и Е. Петрова «Сильное чувство» нутро юнцового человека мясника вывернуто наизусть. Здесь вообще нет хороших людей. Каждый персонаж — олицетворенный порок. Это резкое преувеличение, доходное до гротеска и обаяющее не только своим юмором, но и контрастом с жизнью. Водавиле на «легкие бытовые темы» перерос в фарс, и смешное оказалось на грани отталкивающего. Но театру этого мало, и чтобы «усилить звучание», сочиняется эпизод, в котором прошлое соединяется с настоящим.

Оказывается, все эти «горькое», олицетворяющие собой далеко не безобидные наплевательские настроения, мизансцены по сей день. Они лишь называются стали по-другому, более свободно, и несколько изменились внешне.

В миниатюре В. Полякова «Веда и лебедь» прием и нравы, четкие разграниченные детали в других номерах, объединены. Прием «смешенный апокс» сам по себе

очень интересен. В нем — неисчерпаемые возможности для комических положений и характеров. Однако в этих «перехватках» времени очень важно внутреннее единство смешного: ведь если комическое явление прошлого утрачивает свою комическую силу, то вряд ли оно вызовет смех сейчас. Другое дело, когда острота сатиры обрещена в настоящее и наш смех становится новой оценкой знакомого явления. Современная драматургия давно уже объединила трагическое и смешное, но осуществление их совсем не означает, что одно уничтожает другое. Чувство юмора в серьезном, а иногда и трагическом положении вовсе не вытесняет желания высмеять его.

В «Веде и лебедь» часто не выдерживается эта «целенаправленность» смеша. Серьез, который прорывается в комических местах и утверждается в юмористическом стиле, не «комсомольской правды», как-то историзируется. И пошлое возникает вопрос, что же здесь юмористический смех или трагедия?

Как это ни парадоксально, но в спектакле «О, времена, о нравы» единственным мимиком, которая отдается целиком на веру зрителя, — это «Гастроль Рычкова», помещенная 1911 годом. Она не сопровождается никаким комментарием, смешное в ней рождается как оптическое явление художественного действия. И зритель дано смеяться там, где он хочет.

Пародия всегда удавалась театру, она была украшением его прошлых программ, на наш взгляд, более интересных, чем нынешних. Именно в пародиях проявилось многообразие дарования таких авторов театра, как В. Ширин, Е. Жуков, А. Музалевский. К сожалению, в новом спектакле исполнители не продемонстрировали роста своего мастерства. Даже гротесковая острота, свойственная М. Захарову, как-то притупилась.

Появление штампов и односторонности, которые начинают ощущаться у беззубого одностороннего актёра театра, имеют свои истоки, очевидно, в общих недостатках программы, в неясности ее замысла. И здесь мы вправе упрекнуть постановщика спектакля А. Тутушкина и художественного руководителя театра В. Полякова. Ратуя за высокую гражданскую сатиру, они, по существу, ей не доверяют и в избранных ими миниатюрах, и в средствах их воплощения, не используют действительным, остротным смешом, а лишь декларируют его грохоту силу. Все благие намерения, но подкрепленные прочной художественной основой, разлетаются в прах. И, очевидно, потому, уходя со спектакля, очень скоро забываешь добродетельные комментарии и цитаты. В памяти остается лишь изойливая мотил «Ночной Марсель», который преследует навязчиво и упорно.

А. ТИХОНОВА.

Пародия всегда удавалась театру, она была украшением его прошлых программ, на наш взгляд, более интересных, чем нынешних. Именно в пародиях проявилось многообразие дарования таких авторов театра, как В. Ширин, Е. Жуков, А. Музалевский. К сожалению, в новом спектакле исполнители не продемонстрировали роста своего мастерства. Даже гротесковая острота, свойственная М. Захарову, как-то притупилась.

Появление штампов и односторонности, которые начинают ощущаться у беззубого одностороннего актёра театра, имеют свои истоки, очевидно, в общих недостатках программы, в неясности ее замысла. И здесь мы вправе упрекнуть постановщика спектакля А. Тутушкина и художественного руководителя театра В. Полякова. Ратуя за высокую гражданскую сатиру, они, по существу, ей не доверяют и в избранных ими миниатюрах, и в средствах их воплощения, не используют действительным, остротным смешом, а лишь декларируют его грохоту силу. Все благие намерения, но подкрепленные прочной художественной основой, разлетаются в прах. И, очевидно, потому, уходя со спектакля, очень скоро забываешь добродетельные комментарии и цитаты. В памяти остается лишь изойливая мотил «Ночной Марсель», который преследует навязчиво и упорно.

А. ТИХОНОВА.

ДЕЛЕГАТЫ КОНГРЕССА У СОВЕТСКИХ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

Слева направо: режиссер М. Донской, киноактриса Т. Макарова, политический деятель Абд Иттихар (Камерун), лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Акино Сани (Индия), киноактриса Т. Самойлова, кинорежиссер С. Герасимов.

НАЧАЛАСЬ НЕДЕЛЯ фильмов, посвященных Всемирному конгрессу за всеобщее разоружение и мир.

На торжественном открытии недели заместитель председателя оргкомитета Союза кинематографистов режиссер С. Юткевич сказал: «Мы рады приветствовать делегатов конгресса, ибо мы, советские кинематографисты, как и все люди мира, заинтересованы в всеобщей борьбе за всеобщее разоружение и мир. Средствами кино мы можем сделать очень многое — добиться сохранения и укрепления мира».

Выступает известный итальянский режиссер Джузеппе Де Сантис: «Я сейчас снимаю в Москве свой новый фильм, фильм о второй мировой войне, о трагедии итальянских солдат, участвовавших в итальянских фашистах на восточном фронте. Другим моим искренним признанием вам, что охотнее делал бы фильм о любви... Но задача каждого человека сейчас — это борьба за мир, и я делю это средствами своего искусства».

«Мы, японцы, пережившие трагедию Хиросимы, — говорит Акино Сани, руководительница движения «Поющие голоса Японии», — хорошо знаем цену мира. Но для того чтобы отстоять мир, нужно немало мужества. И кино — самое массовое из искусств — поддерживает нас, дает нам силы в этой борьбе».

В заключение, собравшийся был показан новый фильм режиссера С. Герасимова «Люди и зверя».

10 июля 1962 г. 3 стр.

10 июля 1962 г. 3 стр.

